

Татьяна Кокусева

ДЕРИСЬ!

Брат Сашка стоит в углу, а я сижу под письменным столом и завидую. В угол он уже не очень помещается, вырос. Сашке 12 лет, у него крепкие плечи хоккейного вратаря, тонкий давний шрам от шайбы на переносице и свежие следы драки — разбита губа, на скуле ссадина и синяк. За драку он и отправлен в угол. Мама, конечно, распекала. Сколько можно, ей за него стыдно, а ему все равно, не ребенок, а какой-то уголовник, скоро его поставят на учет в милицию, ну, все как обычно. Раньше Сашка пользовался версией благородной драки. Например, врал, что кто-то оскорбил маму или обидел меня. Я ведь младше на два года, меня нужно защищать. Мама мазала его ссадины желтым кремом, жалела и называла нашим телохранителем. Даже сказала как-то, что однажды папа узнает, какой у него молодец-сын и, может, вернется домой. Но как-то вдруг выяснилось, что Сашка дрался не за правду, а просто так, из любви к процессу. Маме тогда здорово влетело на школьном собрании от других родителей. Теперь Шурик у нас не герой, а бандит, который позорит мать. Но нет, не у нас, а только у мамы. Для меня же брат — объект обожания и мучительной зависти. Дело в том, что я тоже хочу драться.

Мама сказала как-то, что раз отец ушел, Сашка будет в семье главным. За этот год без отца мы сильно изменились. Папа всегда все решал, а мы просто ехали пассажирами в этом поезде, который вел он. Теперь поезд едет кое-как. Мама растерянная и много плачет. Сашка злится на нее, на меня, уходит сразу после школы гулять и возвращается поздно. Нам больно, наше семейное королевство распалось. Мы еще не знали, что папа от нас уходит, но дома стало вдруг тихо, как будто выключили звук или даже обложили все ватой. Как будто нырнул, сидишь на дне, а мимо плывут вещи и люди, медленно и осторожно, стараясь не сталкиваться друг с другом. В тот вечер у входа стояли два чемодана. Папа метался. Он ходил по квартире, делая вид, что ему что-то нужно, но ему нужно было, чтобы мама что-нибудь сказала. А она молчала. Тогда он зашел на кухню и сказал — ты можешь меня ударить. Мы слышали из комнаты, он так и сказал. Но мама молчала в ответ.

— Ты думаешь, мне легко? — сказал папа. — Я должен. Врать лучше? Врать нельзя! Не молчи! Ну, наори, ударь, всем будет легче!

И он ударил по столу. Что-то звякнуло и упало. Кажется, разбилось. Папа ушел, дверь хлопнула, а тишина осталась с нами. Она так и давила каждого из нас изо дня в день, весь этот год.

Саня вымещает свою боль в драках. Драться он начал после этого разговора. Папа сказал — ударь и будет легче. Я замечаю, что после драки брат несколько дней не орет на маму и на меня, становится тихий и добрый. Мне 10, и я тоже хочу драться, потому что не

знаю, как быть. Мне нужно какое-то движение, чтобы взрезать пространство. Я думаю, что раз драка помогает брату, значит, поможет и мне.

Я не понимаю только, как это сделать. Во-первых, драку нельзя начать ни с того, ни с сего, до нее нужно довести. Должен быть повод, причем серьезный. Как решить, пора уже бить или нет? Во-вторых, меня занимает вопрос — как это, ударить человека в лицо. Куда именно — в глаз или в ухо? Кулаком или ладонью? Изо всех сил или сначала слегка? И главное — кто этот человек, почему его? Я сижу под столом и тренируюсь на несчастном плешивом медведе. Медведь уже избит во все места, но мне все равно непонятно, как правильно. Я вылезаю из-под стола и иду к брату.

— Сань.

— Чего тебе?

— А как ты дерешься?

— Тебе зачем?

— Ну, просто. Интересно. Ты такой храбрый.

Я знаю, что Сашка любит лесть. Надеюсь, что сработает. Он некоторое время молчит, смотрит в угол. Потом поворачивает голову, изучает мое лицо и наконец садится на пол.

— В общем, — начинает Саша, — драка — это тактика. Надо понять, где у него слабое место.

— У того, кого бьешь, да? А за что ты его бьешь?

Мне хочется задать сразу все вопросы, но я понимаю, что нельзя. Я жду.

— За разное. Иногда просто надо. Понимаешь?

Я не знаю, что ответить. Что значит — надо? Сашка, наверное, сразу видит это надо, но я-то нет.

— Саш, — осторожно подкрадываюсь я, — а ты объясни получше. Когда надо?

— Вот подходит он к тебе, допустим. Смотришь — наглый. Он тебя не боится и может двинуть. А надо первым двинуть тогда! Чего ждать? Хрясь ему — и все.

— За что?

— Да нет никакого за что! Он наглый и получает, понимаешь?

— Прямо по лицу, да?

— По морде! Или в ухо. А когда сцепишься, там уж куда придется. Я тут одному ногой, знаешь, куда попал? Хотя неважно.

— А как ты бьешь? Кулаком?

— Конечно, кулаком! Ладонками только дети дерутся. Кулаком, только надо не пальцами, а вот тут, костяшками. Пальцы больно будет, можно сломать даже. Хрясь — и в нос. Если повезет, сразу кровяца пойдет, и все, победил.

Я внимательно слушаю, и мне кажется, что надо быть очень смелым, как мой брат, чтобы вот так — хрясь.

— Тебя ведь тоже бьют. Это больно?

— Ну, как.. Больно, да. Но позже. Вот сейчас губа болит. А сначала не замечаешь, это вообще не важно, совсем. Главное — ты дерешься. Молотишь кулаками его. Знаешь, как круто!

— А если не победишь?

— Ну, и что! Подумаешь. Все равно он видит, что ты не боишься. Все равно! Он тебя будет уважать, даже если побьет. Нюни не распускай, у нормального бойца кровь должна капать, а не слезы.

— А... — я подбираю слова, чтобы спросить о самом главном, — что после драки? Тебе хорошо?

— Драка — это счастье, ясно? Тихо, мать идет.

Я снова лезу под стол, а Саша встает в свой угол. Мама выгоняет меня из комнаты, им с братом нужно серьезно поговорить.

Теперь я все знаю. Решимость моя крепнет, осталось найти наглеца и дать ему по морде. Я одеваюсь. Джинсы, черная футболка, кроссовки. Одежда должна быть удобной. Выхожу во двор. На качелях сидит одноклассница Юлька. Она слушает о моих планах, маленькие глаза ее загораются горячей поддержкой. Юлька ниже меня почти на голову, худая, слабенькая, но боевой дух всегда заставляет ее пускаться в разные авантюры. Мы вместе идем искать врага, потому что мне нужен свидетель, а то не поверят.

Сначала мы шатаемся по дворам. Еще рано, дворы забиты малышней и сопровождающими мамками и бабками. У старого облезлого дома бродит Савин. Он старше нас на год, но учится на класс младше. У Савина какие-то проблемы с головой, поэтому он ни с кем не дружит, но ему вроде бы и с собой интересно. Обычно он играет один в своем дворе, что-то бормоча под нос, расхаживая между старыми железными качелями, ржавой горкой и покосившейся каруселькой. Сейчас у Савина в руке кусок мела и палка. Мы с Юлькой останавливаемся и наблюдаем, как он пишет что-то на грязной горке, потом тычет в это место палкой и что-то говорит, говорит, машет рукой. Юлька предлагает мне драться с Савиным. Вокруг никого. Я думаю. С одной стороны, Савин выше меня, с другой — он как будто первоклассник. Мне его жаль. Я представляю, как подхожу к нему и бью кулаком по удивленному лицу, а он не понимает, за что. Да ну. Я качаю головой.

Мы уходим на речку, грязную и маленькую. Она течет в нашем районе, переливаясь бензиновыми пятнами. На берегах растут лопухи и кусты, стоит знак с зачеркнутым якорем. Как будто кто-то будет бросать якорь на полуметровой глубине. На речке малоллюдно, в случае драки никто из взрослых не прибежит. Мы пробираемся через лопухи и крапиву под старый каменный мост. Там в тени большого куста сидит незнакомый мальчик. Он тычет в кнопки своего телефона, что-то бормочет под нос. Нас он не видит из-за веток, поэтому я могу трезво оценить свои силы.

— Как ты думаешь, Юль? Нормальный? Сидит, смотри, сам с собой болтает. Как Савин, только обычный.

— Дебил просто, — подхватывает Юлька.

— Длинный вроде. Хотя тощий.

— Такие тощие слабые всегда. Ну, и длинный, а зато можно ему в живот пихнуть.

Мы идем к мальчику. Светит солнце, верещат воробьи. Плохие условия для драки, думаю я, слишком уж спокойный день. Хорошо бы было пасмурно, а еще лучше гроза. Драться в грозу красиво и как-то понятно. Может быть, этот мальчишка сейчас скажет какую-нибудь гадость, тогда я обижусь, и дело само собой дойдет до скандала? Я чувствую волнение, ладони мокреют. Мальчик поднимает голову и смотрит на нас. Наглый, вспоминаю я слова брата. Он наглый или нет? Можно ли ему сразу влепить? Я стою, а он сидит и не собирается вставать, и лицо у него дружелюбное.

— Чего? — говорит он.

— Ничего. Играешь? — Я понимаю, что момент потерян.

— А, да, — он машет телефоном, — дурацкая игрушка, не могу пройти.

Мы молчим. Надо уходить, потому что нельзя драться с человеком, с которым ты уже дружески поболтал.

— Эй! — раздается голос мальчишки.

— Чего?

— Вы тут аккуратно гуляйте. Тут где-то Жека Гайдамак болтался. Он вообще без башни, может побить. Я тут от него прячусь.

Про Жеку Гайдамака все знали. Для него не было разницы, над кем издеваться. С какой-то навязчивой жестокостью он бил ровесников, первоклассников, девчонок, собак. Мать его постоянно вызывали в школу, но она только молча плакала, когда ей предъявляли очередные доказательства его поведения. Отца у Жеки не было. Все всегда сообщали друг другу, где Гайдамак гуляет, чтобы вовремя спрятаться, убежать в соседние дворы. Ростом он был ниже многих своих жертв, но злоба делала его сильнее их. Встреча с Гайдамаком гарантировала драку, но эта драка заканчивалась всегда в его пользу.

— Слушай, я не хочу с Гайдамаком встречаться, — прошептала Юлька. — Пойдем отсюда, а? Найдем кого-нибудь получше. Кого-нибудь нестрашного, а? Может, все-таки с Савиным подерешься немножко? Гайдамак бьет прям до крови, он одного мальчика, знаешь, как отметелил? У него глаз потом не открывался вообще! Ты же не хочешь, чтоб у тебя так было? Пошли!

— Ну, да. Нет, то есть. Не хочу.

Мы развернулись, чтобы идти обратно. И тут же из-за куста выдвинулся невысокий темноволосый пацан. На щеке его вызывающе горела свежая царапина, губы потрескались. Это и был Жека Гайдамак. Он молча смотрел на всех нас, видимо, прикидывая, кого отлупить в первую очередь. Мальчик с телефоном медленно встал, пряча телефон в карман. Гайдамак потер щеку. Кулак с разбитыми костяшками — значит, дрался, мелькнула мысль. Он продолжал нас изучать, как удав, страшными злыми глазами. Юлька тихо всхлипнула. В этот момент мысли мои куда-то исчезли, внутри ухнуло, стало пусто, а кулак взлетел и вцепился прямо в удавий глаз. От неожиданности Гайдамак вскрикнул и поднял руку. Это слабость, пользуйся, давай, блеснуло в голове. И вот я дерусь — руки молотят по его лицу, по уху, я пинаю его в коленку, он бьет меня кулаком в нос, соленые губы, плевать, как говорил брат, плевать, на, на тебе еще, рука ударяется о твердое, резкая боль, плевать, его кулак попадает мне в щеку, я снова пинаю, я уже не вижу, куда бью, я бью, я могу бить его, не боюсь, получи, сволочь, я больше ничего не боюсь, это счастье, какое это счастье! Наверное, мы бы сильно избili друг друга, если бы на воде не показалась байдарка. Человек с веслом заорал что-то, Юлька схватила мою руку, и мы побежали в одну сторону, а Гайдамак в другую. На бегу я чувствую, как щиплет губы, нос шмыгает, всасывая кровь, я почти лечу, не обращая внимания на колючую крапиву, меня гонит невыносимое счастье, счастье свободного человека. У меня больше нет никакой боли в душе, я слышу все звуки, горячий ветер жжет губы, ломит и саднит руки, но та, внутренняя боль, вбита кулаком в Жеку Гайдамака.

Мама кричит от ужаса. У меня разбиты губы, нос, поцарапана щека. Я плохо выгляжу, это точно. На крик прибегает Сашка, он под домашним арестом. Он смотрит на меня молча.

— Кто тебя избил? — кричит мама. — Кто? Пойдем в милицию, все походили с ума! Все! Мы найдем мерзавца! Это все ты, Сашка! Это из-за тебя!

Мама вне себя от злости. Мне обидно, что она сразу сказала «избил». Сашку ведь она не спрашивает, кто его избил, спрашивает, с кем он дрался. Мама хватается брата за руку и тащит ко мне.

— Вот, полюбуйся! Ты бьешь, тебе не могут ответить, поэтому вымещают на твоей семье! На сестре! На девочке! Тая! Таисья! Кто это был, отвечай мне сейчас же!

Я улыбаюсь Сашке, хотя это жутко больно. Губы распухли. Брат перестает хмуриться, и я вижу, что он понял.

— Я подралась, мам.

— Что?! С кем? Что ты врешь!

Я протягиваю вперед руки. Мои кулаки в крови. Я смотрю на них, и улыбаюсь, и чувствую, как из глаз потекла вода. Саша отодвигает маму, которая ничего не может сказать, и обнимает меня. Прижимает мое лицо к плечу.

— Прости, прости, — говорю я сквозь слезы, не в силах остановить их.

— Ничего, теперь можно.

Я не дралась больше никогда. Брат тоже почти перестал. В этот день мы почувствовали, что защитили свою семью. Мы стали ближе, я и мой брат. Гайдамака я видела еще всего один раз на улице. Он долго смотрел на меня, и я подумала, что сейчас снова придется драться. Я не отвела взгляда. Мы смотрели друг на друга минуту, потом он усмехнулся и ушел.